

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 114 – 123

УДК: 821.161.1-3.09

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «БОГАТЫРСТВО» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Г. А. Зябрева, С. В. Капустина

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье на материале прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского анализируется сущность их базового концепта «богатырство», в результате чего проясняются мировоззренческие и творческие переклички писателей, уточняется характер литературных взаимосвязей между ними.

Ключевые слова: концепт, концепт-оппозиция, субконцепт, богатырство, антитеза, интертекст

Точкой отсчета в более чем полуторавековой дискуссии о художественном диалоге Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского стала восторженная фраза Н. А. Некрасова «Новый Гоголь явился!», рожденная под впечатлением от знакомства с романом «Бедные люди». С течением времени сравнение Ф. М. Достоевского с автором «Шинели» и «Мертвых душ» приобрело характер стойкой литературоведческой традиции. Одни исследователи увидели в творчестве старшего современника ту благодатную почву, на которой возрос и сформировался самобытный талант создателя «Двойника», «Хозяйки», «Неточки Незвановой»; другие же заговорили о целенаправленном «развенчании» Н. В. Гоголя автором повести «Село Степанчиково...», о попытках преодоления им влияния великого предтечи. При этом мотивы борьбы младшего литератора с предшественником объяснялись по-разному: то элементарной «завистью», «амбициозностью» Достоевского, то присущим ему духом соперничества со всей отечественной словесностью, а то и серьезными мировоззренческими расхождениями с Гоголем.

Бесспорно, направленность и динамика творческих интенций каждого из писателей, стремление найти и художественно воплотить собственные ответы на «проклятые и проклятые» вопросы бытия обуславливают реальные трудности в процессе сопоставления их неординарных творческих индивидуальностей. Тем не менее эти трудности могут быть успешно преодолены в случае использования весьма продуктивного для литературоведческой науки концептного анализа, в частности, при сравнении базовых концептов или концепт-систем, репрезентированных в творчестве писателей.

Главным объектом такого анализа в данной статье является концепт «богатырство», воплощенный в художественных и публицистических произведениях родоначальника «натуральной школы» и его талантливый преемник. Определение основных штрихов духовного портрета воинов-богатырей, запечатленных в на-

следии Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, не только позволяет аргументировать принадлежность классиков общему течению религиозно-философской мысли, но и внести ясность в неоднозначное истолкование такого самобытного явления славянской культуры, как святорусское богатырство. Осмыслением этих значимых для современного литературоведения проблем определяется **актуальность настоящей работы.**

Целью ее является реконструкция тех индивидуально-авторских смыслов, которые приобрело полисемантическое понятие «богатырство» в искусстве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского.

Теоретическую основу исследования составляет весьма популярный ныне концептный анализ. Неслучайно термин «концепт» включается в понятийный аппарат различных отраслей гуманитарного знания. Исходя из многочисленных дефиниций концепта, предложенных в разнородных научных исследованиях, можно условно выделить три подхода к его пониманию:

1. Концепт — основной элемент культуры в ментальном мире человека (Ю. С. Степанов [21] и др.);
2. Единственным способом формирования концепта является семантика (Н. Д. Арутюнова [1], Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев [4] и др.);
3. Концепт не возникает непосредственно из значения, а является результатом синтеза значения с национальным и личным опытом носителя языка (Д. С. Лихачев [18], Е. С. Кубрякова [17] и др.).

Представленные трактовки понятия «концепт» находят отражение и в современном литературоведении. Так, например, идеи Д. С. Лихачева и Е. С. Кубряковой получают развитие в определении художественного концепта, предложенном А. В. Кузнецовой: «Художественный концепт — это актуализация культурно-исторических и индивидуальных смыслов» [16; 78].

Н. В. Володина, основываясь на выводах Ю. С. Степанова, предлагает понимать литературный концепт как «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (произведение, творчество писателя, литературное направление, период, национальная литература), обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [7]. Однако нельзя не заметить, что та «общность образов», которая будет характерна для творчества писателя, может значительно отличаться от «общности образов», показательных для определенного литературного направления, конкретного исторического периода и национальной литературы в целом. Поэтому считаем необходимым разграничивать индивидуально-авторские литературные концепты и концепты общелитературные. В свете сказанного, предлагаем рассматривать авторский художественный концепт как *«базисную категорию мировоззрения писателя, запечатленную в художественной ткани его произведения (либо ряда произведений)»*.

Разработанная учеными методология концепт-анализа, как известно, базируется на выявлении ядерного и периферийного значений концепта, для которых характерна подвижность и взаимопроницаемость. Поэтому при определении содержания того или иного концепта необходимо учитывать всю совокупность контекстов,

в границах которых этот концепт реализуется. Именно такой подход использован в настоящей статье, что дает возможность выявить специфику индивидуально-авторских трактовок «богатырства» у Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, раскрыть интертекстуальные связи в произведениях писателей, проследить трансформацию художественных открытий старшего современника в творчестве его младшего собрата по перу. Указанными факторами определяется **научная новизна** данной статьи.

Историко-литературная основа исследования. Вопрос о роли Н. В. Гоголя в профессиональном становлении и духовном развитии Ф. М. Достоевского разрабатывался как крупнейшими гоголеведами в связи с осмыслением национальных историко-литературных проекций «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями», так и авторитетными достоевистами в связи с исследованием творческой родословной «нового Гоголя». Суждения В. Г. Белинского о генетической близости *раннего* Достоевского Гоголю [2; 128 – 129] наиболее ярко отразились в раздумьях В. В. Зеньковского, утверждавшего, что «Гоголь предвещает Достоевского, но не покрывается им» [11; 91], а также предвосхитили выводы современных исследователей: Г. М. Фридлиндера, отмечавшего «органическое усвоение [Достоевским] традиции Гоголя» [23; 4]; В. А. Викторovichа, доказывающего, что «ранний Достоевский возрос и воспитался в гоголевской школе, но <...> не повторял своего учителя в его отдельных достижениях, а синтезировал их» [5; 233] и мн. др.

Противоположная точка зрения, выдвинутая В. Розановым, характеризовавшим Ф. М. Достоевского как «родоначальника преодоления гоголевского «бездушия» в русской литературе» [20; 121], была поддержана представителями символизма и религиозно-философской критики (Д. С. Мережковским, В. Я. Брюсовым, Вяч. Вс. Ивановым, Н. А. Бердяевым, К. В. Мочульским и др.). На успешные попытки преодоления Гоголя посредством стилизации Достоевским его текстологических приемов в дальнейшем указывали Ю. Н. Тынянов [22], А. Л. Бем [3], В. В. Виноградов [6] и пр.

Методологически значимым ориентиром для настоящей статьи послужила работа известного литературоведа В. Я. Кирпотина «Гуманизм Гоголя. «Беспорядок» и «богатырство»» [14], в которой эти *понятия* рассматриваются как *антитематичные* [14; 64]. Развивая перспективные идеи упомянутого исследователя, считаем целесообразным интерпретировать антиномию понятий «беспорядок» и «богатырство» и в творчестве Н. В. Гоголя, и в творчестве Ф. М. Достоевского в качестве концепт-оппозиции, выстроенной по принципу противопоставления ядерных смыслов. Так, в произведениях обоих классиков репрезентируются не только узуальные значения слов «беспорядок» и «богатырство», но и их скрытые семантические оттенки. Например, ядро концепта «беспорядок» восходит к «народной этимологии», согласно которой «беспорядок» есть «бесовский порядок» и, следовательно, «богатырство» – способ преодоления бесовщины. Определить же конституитивные признаки концепта «богатырство» у Гоголя и Достоевского помогают разыскания тех исследователей, которые в основе деяний русских воинов видели не прославление языческих культов (как, например, В. Ф. Миллер,

А. А. Котляревский и иные), а верность христианству, питавшему нравственную и физическую мощь былинных богатырей. В этом плане чрезвычайно значимой для нас является идея Высокопреосвященнейшего Иоанна (Снычева), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, трактовавшего сущность богатырства на Руси как «особый вид церковного (а, возможно, даже иноческого) служения, необходимость которого диктовалась заботой о защите веры» [12; 39]. Отождествление Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским богатырства с «Божьей благодатью, непобедимой духовной силой, дарованной человеку для защиты Православия» разнообразно представлено на страницах их произведений.

Концептуальный аспект. Наличие концепта «богатырство» обнаруживаем уже в цикле ранних повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Именно здесь он впервые обозначит антитезу «беспорядок»-«богатырство», персонафицировав ее, с одной стороны, в образах «Иродового племени», осуществляющего «бесовское оборачиванье» хуторян, а с другой, — духовных богатырей, хранящих Бога в своем сердце.

В «Вечерах...» основным оружием против собратьев «дьявола в человеческом образе» выступает не щит и меч, а крестное знамение, совершаемое с искренней верой во Христа. Так, герой повести «Пропавшая грамота», попав на шабаш нечистой силы, угрожает ей: «Если сейчас не станет передо мной молодецкий конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас!», — и его слова производят желаемый эффект: «...уже было и руку поднял, как вдруг загремели перед ним конские кости» [9; 146].

Крест как действенное орудие веры использует в борьбе с чертом и благочестивый кузнец Вакула («Ночь перед Рождеством»). Когда он «сотворил крест», «черт сделался так тих, как ягненок»; оседлав лукавого, Вакула забавлялся тем, «как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее» (I; 185).

Концепт «богатырство» у Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского не только поясняется посредством антиномии «бесовский порядок» — «духовная мощь от Бога», но и конкретизируется с помощью субконцепта «псевдобогатырство» как промежуточного звена между элементами концепт-оппозиции. Так, в раннем творчестве Н. В. Гоголя (в частности, в сборнике «Миргород») «псевдобогатырство» воплощено в образе Ивана Никифоровича Довгочхуна («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Исследователь Е. Ю. Коржова относит к категории «современных Гоголю псевдобогатырей» обеих персонажей [15; 402], однако, думается, именно Довгочхун, имеющий, по выражению «противника», «осанку и фигуру важную» (II; 196), является псевдобогатырем. Несмотря на свою богатырскую внешность и наличие воинского скарба («шпаги», правда, «походившей на спицы», «старинного седла», правда, «с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов...» и, наконец, ружья, послужившего предметом ссоры), Иван Никифорович может участвовать в «битве», великой лишь по степени своей бессмысленности. «Сражение» двух «заклятых» друзей, которых «сам черт связал веревочкой», становится для них главной целью жизни.

Вот почему импровизированным «полем брани», где раскрываются физические возможности Довгочуна, выступают лишь его комната, поветовый суд и столовая городничего. Отсутствие истинно богатырской, то есть духовной силы, и религиозная слепота не позволяют ему совершить настоящие подвиги.

Ключевое значение концепта «богатырство» в раннем творчестве Н. В. Гоголя воплощается не только в ситуациях, связанных с защитой Православием, но и при изображении событий, нацеленных на защиту самой Православной веры. Этот мотив убедительно проиллюстрирован подвигами казачества в произведениях писателя, в особенности — в повести «Тарас Бульба». Благодаря Гоголю становится очевидным: «...без религиозного подвижничества русских богатырей невозможно объяснить такое глубокое, органическое и спасительное явление русской жизни, как казачество» [19], невозможно представить и ту силу единства, братства, товарищества — соборности, которая способна решительно противостоять все шире и шире разливающемуся «беспорядку».

К сожалению, в современной ему действительности Гоголь не нашел богатырей по духу. Поэтому вопрос о том, как обратить нравственно нищих помещиков-индивидуалистов к «живой жизни» остался открытым в поэме «Мертвые души»: герои здесь лишены представления о своей истинной миссии, их дух растлился, существует лишь богатырское тело. Одним из «псевдобогатырей» в произведении выступает Собакевич, унаследовавший от своих пращуров необыкновенную физическую силу («Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», — шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри» (V, 15)) и подлинно богатырское здоровье («пятый десяток живу, ни разу не был болен» (V, 96)). Этот современный российский «богатырь», совершает свои «подвиги» исключительно за обеденным столом: «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи. Гусь — всего гуся...» (V, 98).

Важную роль в поэме играет «Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче», который «был то, что называют на Руси богатырь». В то время, как созерцатель папенька занимался «философскими вопросами», «двадцатилетняя плечистая натура» его сына-«богатыря» «так и порывалась развернуться» (V, 245), производя при этом лишь разрушения и беспокойство... Наследник физической мощи былинных рыцарей, Мокий Кифович, однако, не принадлежит к «витязям Господним». Он олицетворяет собою ложное богатырство и вызывает авторское сожаление, выразившееся в известном лирическом излиянии «Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу... Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?...» (V, 248).

Профессор В. А. Воропаев утверждает, что «образ Мокия Кифовича восходит к фольклорной традиции», что «в одном из черновых вариантов притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народно-поэтический первоисточник образа: “Обращик Мокиевича — Лазаревич...” (имеет-

ся в виду «Повесть о Еруслане Лазаревиче»). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатырства. «И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из тово руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат» [8].

Цитирование «Повести о Еруслане Лазаревиче» в полном соответствии с гоголевской трактовкой «омертвения души» встречаем и на страницах фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая»: «“Есть ли в поле жив человек?” — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво, и всюду мертвецы» [10; 138]. Ф. М. Достоевский сумел воспринять идейные ориентиры автора поэмы и обогатить их в своем творчестве. Так, замысел Гоголя о возможном преображении Чичикова и его развивающейся готовности противостоять «бесовскому порядку» послужил основой для создания целой галереи художественных портретов «людей Божиих», чье основное предназначение — обращать к спасительной вере всех, кто утратил ее.

Например, искоренить властвующий в душе Раскольникова «бесовский порядок» может только искренняя вера во Христа. Указать герою на путь спасения, помочь ему открыть сердце для принятия Творца и Искупителя способен человек, сильный духовно, олицетворяющий основное предназначение «богатырства» в понимании Достоевского, а именно — защиту Православия и Православием. Несмотря на внешнее слабосилие, исхудалость и бледность, таким «богатырем» выступает в романе Сонечка Мармеладова, которая призвана стать для Раскольникова и других каторжан воплощением духовной энергии и преобразующей любви. Именно она относится к когорте «Божьих людей» («духовных богатырей»), способствующих воскресению в жизнь вечную тех, в чьих душах господствует губительное неверие.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» оригинально трансформируется гоголевский концепт «псевдобогатырство». Герой Достоевского — Разумихин — предстает вовсе не грубым и ограниченным исполином — прямым литературным потомком Довгочхуна, Собакевича или Мокия Кифовича, а «горячим, откровенным, простоватым, честным, сильным, как богатырь», человеком (VI; 156). Однако его нравственная сила уступает религиозной убежденности Сони Мармеладовой. Все попытки Разумихина помочь Раскольникову ограничиваются областью материального и, в отличие от духовного подвига Сони, не ведут к возрождению в преступнике Человека. Примечательно именование этого персонажа в романе. Сам себя он представляет «Вразумихиным», а Лужин в разговоре с Пульхерией Александровной называет его «Рассудкиным». В любом случае эти варианты фамилии свидетельствуют об апелляции героя к уму, а не духовной сущности окружающих. Вот почему, по-видимому, ему и не удается пробудить лучшее в Раскольникове и самому подняться до уровня святорусского богатырства.

Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» — Степан Трофимович Верховенский, — являясь воспитателем и наставником некоторых будущих «бесов» и сам поддаваясь искушениям «бесовского порядка», в конце жизни все же опосредованно прикасается к «богатырству». Он добровольно отправляется в некий город Спасов, символизирующий светлую духовную перспективу. Этот путь указывает

Верховенскому-старшему книгоноша: именно она подносит герою спасительное Евангелие. Т. А. Касаткина трактует этот момент следующим образом: «...к растерянному и потерянному Степану Трофимовичу в приезжей избе обращается Бог» [13; 84]. Следует добавить, что обращается Всевышний через «Божьего человека», духовного «богатыря» – Софью Матвеевну, которая защищает и освобождает героя от бремени ложных идеалов, открывая ему возможность уйти в мир иной возродившимся. Еще одна героиня произведения Достоевского, с тем же знаковым для писателя именем Софья, — София Андреевна Долгорукая — выступает спасительницей другой заблудшей души — Андрея Петровича Версилова, поврежденного «бесовским порядком» и соблазненного идеалом ложного богатырства (ношение вериг, ожидание явления собственных мошей). Все эти удивительные женские характеры представляют собой особый тип богатырей, чье величие – в смирении, кротости, но одновременно и в негибкости воли, направленной на самозабвенную борьбу за воскрешение ближнего.

Сходными чертами характера обладает также Алексей Федорович Карамазов, герой итогового романа Достоевского, чье имя прямо указывает на его духовную сущность — Алексей, человек Божий. Знаменательно, что духовным наставником Карамазова-младшего выступает старец Зосима, а жизненные идеалы Софьи Андреевны, как и ее сына Аркадия, формирует странник Макар Иванович. И монах Зосима, и странник Макар олицетворяют в понимании Достоевского наивысший тип богатырского служения. Так, монах, добровольно отрекающийся от искусов мирской жизни, уходит к Богу, чтобы не только себя освободить от греха, достичь личного благочестия, но и чтобы молитвенным подвигом попытаться пробудить человеческую совесть, всеми силами души посодействовать преобразению несовершенного мира. Странник же, отлучая себя от житейских удобств и радостей, преисполняется самой бескорыстной любовью ко Творцу и его творению и тем самым помогает другим очиститься от меркантильных побуждений, обратиться к достойным нравственным идеалам. Вместе с тем Достоевский понимает, что и эти великие формы подвижничества могут породить ложное самоотречение, какое в его романах демонстрируют Ставрогин («Бесы»), уже упомянутый Версильов («Подросток»), схимник Феррапонт («Братья Карамазовы»). Все они — убедительное развенчание не просто лжебогатырства, а антибогатырства.

Подобно Гоголю, Достоевский выработывал свое понимание богатырского подвижничества не только в художественном творчестве, но и в публицистике. Наиболее яркой иллюстрацией к авторскому восприятию природы и сути богатырства является статья «Фома Данилов, замученный русский герой», опубликованная в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год. Рассказывая здесь о подвиге и мученической смерти унтер-офицера Фомы Данилова, попавшего в плен к кипчакам, Ф. М. Достоевский подчеркивает, что этот простой человек не изменил кресту и не отрекся от Православия, хотя отказ от веры отцов мог бы принести ему помилование. Однако воин предпочел смерть за Христа. «Мучители, замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырем» (XXV; 12), — пишет Ф. М. Достоевский, подчеркивая, что истинное богатырство заключается не в сверхчеловеческой физической мощи, а в духов-

ной крепости, остающейся незыблемой даже в условиях тяжелейших испытаний. «В народе, конечно, эта великая смерть не забудется: этот герой принял муки за Христа и есть великий русский; народ это оценит и не забудет, да и никогда он таких дел не забывает» (XXV;13), – утверждает Ф. М. Достоевский. Понять и по достоинству оценить подвиги своих сынов православный народ способен хотя бы потому, что и сам как целое является, по Ф. М. Достоевскому, «богатырем».

Такой взгляд на народ-Богоносец, бесспорно, генетически восходит к воззрениям Н. В. Гоголя, следующим образом пояснявшего финальное лирическое отступление в поэме «Мертвые души»: «Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» (VII; 259).

Пророчество Н. В. Гоголя смог повторить от своего имени и Ф. М. Достоевский, дополнив его заключительными строками главы «Влас», опубликованной в «Дневнике писателя» за 1873 год: «Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил...» (XXI; 35). Однако «кутежи», по мнению писателя, – есть та крайняя черта, на которой «вся ложь выскочит из сердца народного и станет перед ним с невероятною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие» (XXI; 42). И хотя русский народ-богатырь, по наблюдениям Достоевского, «...плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры, <...> но Христа он знает и носит Его в своем сердце искони» (XXI; 38). Именно в этом «сердечном знании Христа» и Его исповедании заключены духовные истоки богатырства на Руси.

Выводы. Как явствует из вышесказанного, репрезентация концепта «богатырство» («духовная сила, основанная на искренней вере в Бога») в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского осуществляется посредством его противопоставления концепту «беспорядок» («бесовский порядок») и сопоставления с субконцептом «псевдобогатырство» («духовная немощь при физической мощи»). В результате в творчестве писателей формируется особая концепт-система, отражающая общность их миропонимания и духовных устремлений: автор «Вечеров...», «Тараса Бульбы», «Мертвых душ» и создатель «Великого пятикнижия» видят причину губительного «беспорядка» в роковой отделенности общества от гармонии Церкви и не устают напоминать родному народу-богатырю о его высшем — мессианском — предназначении.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Ментальные действия / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1993. — 176 с.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. / В. Г. Белинский. — М.: Наука, 1982. — Т.8. — 515 с.
3. Бем А. Л. «Нос» и «Двойник»/ А. Л. Бем // О Достоевском. — М.: Русский путь, 2007. — С. 500 – 518.
4. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 315 с.
5. Викторovich В. А. Гоголь в творческом сознании Достоевского / В. А. Викторovich //

- Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1997. — Т.14. — С. 216 – 233.
6. Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский / В. В. Виноградов. — М.: Academia, 1929. — 391 с.
7. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения [Электронный ресурс] / Н. В. Володина. — Режим доступа: <http://www.newruslit.ru/culture/n.v.volodina-koncepty-universalii-steriotipy-v-sfere-literaturovedeniya>.
8. Воропаев В. А. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Гоголя “Мертвые души” [Электронный ресурс] / В. А. Воропаев. — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37077.php?PRINT=Y>
9. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. / Н. В. Гоголь. — М.: Правда, 1984. — Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. — 381 с. Далее ссылки на произведения Н. В. Гоголя приводятся по данному изданию. В круглых скобках указывается номер тома и страницы цитируемого текста.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. / Ф. М. Достоевский — Л.: Наука, 1982. — Т.24: Дневник писателя 1876 г. (ноябрь – декабрь). — 515 с. Далее ссылки на произведения Ф. М. Достоевского приводятся по данному изданию. В круглых скобках указывается номер тома и страницы цитируемого текста.
11. Зеньковский В. В. Гоголь и Достоевский / В. В. Зеньковский // О Достоевском. — М.: Русский путь, 2007. — С.91 – 99.
12. Иоанн (Снычев) Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русская симфония / Митрополит Иоанн (Снычев). — СПб.: Царское дело, 2001. — 494 с.
13. Касаткина Т. А. Об одном свойстве пяти великих романов Достоевского / Т. А. Касаткина // Достоевский в конце XX века — М.: Классика плюс, 1996. — С.67 – 137.
14. Кирпотин В. Я. Гуманизм Гоголя. «Беспорядок» и «богатство» / В. Я. Кирпотин // Достоевский-художник. — М.: Сов. писатель, 1972. — С. 54 – 70.
15. Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: личность и творчество / Е. Ю. Коржова. — СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. — 615 с.
16. Кузнецова А. В. Концепт и мотив в семантическом континууме художественного текста / А. В. Кузнецова // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность. — Ростов-на-Дону: ИПОПИ ЮФУ, 2010. — 200 с.
17. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
18. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Д. С. Лихачев. — М.: Academia, 1997. — С. 282.
19. Раш К. Богатырское послушание [Электронный ресурс] // Русь Державная. — 2008. — №10(172). — Режим доступа к журн.: <http://rusderjavnaa.info/2008/10/bogatyr.html>.
20. Розанов В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов. — М.: Современник, 1989. — 607 с.
21. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
22. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 198 – 226.
23. Фридлиндер Г. М. Гоголь и Достоевский / Г. М. Фридлиндер // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1987. — Т.7. — С. 3 – 12.

Зябрева Г. О., Капустіна С. В. Художній концепт «богатырство» в творчості М. В. Гоголя і Ф. М. Достоевського.

У статті на матеріалі прози М. В. Гоголя і Ф. М. Достоевського аналізується сутність їх базового концепту «богатырство», в результаті чого прояснюються світоглядні та творчі переключки письменників, уточнюється характер літературних взаємозв'язків між ними.

Ключові слова: концепт, концепт-опозиція, субконцепт, богатырство, антитеза, інтертекст.

Zyabreva G. Kapustina S. «The fiction concept «bogatirstvo» in Gogol's and Dostoevsky's creativity».

In article, based on Gogol's and Dostoevsky's prose, the essence of their basic concept «bogatirstvo» is analyzed. This analysis helps to reveal the world outlook and creative communications of these writers.

Key words: concept, concept-opposition, subconcept, bogatirstvo, antithesis, intertext.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2010 г.